

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.21702/rpj.2025.4.9>

Насильственный экстремизм: личностные характеристики и восприимчивость к радикальной идеологии молодежи

Олеся Ю. Шипитко*^{ID}, Александра А. Жердева^{ID}, Елена А. Краснова,
Екатерина О. Кузнецова, Екатерина П. Хазина,
Александра А. Велигодская, Андрей С. Ряснянский

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская
Федерация

*Почта ответственного автора: oshipitko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с ростом психологической уязвимости молодежи в условиях информационной перегрузки, что увеличивает её восприимчивость к деструктивному воздействию, особенно со стороны экстремистских и террористических организаций. При этом индивидуальные особенности играют важную роль в вовлечении в противоправную деятельность. Целью исследования стало изучение склонности к насильственному экстремизму и анализ личностных характеристик молодежи, определяющих её восприимчивость к экстремистской идеологии. **Методы.** В исследовании приняли участие 274 курсанта в возрасте от 17 до 29 лет (средний возраст — 20,12 лет). Применялся комплекс психодиагностических методик: «Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма», «Тест агрессивности», опросник «Способы реагирования в ситуациях опасности», «Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму среди студентов» и тест «Культурно-ценностный дифференциал». Обработка данных осуществлялась с помощью дескриптивной статистики, а также корреляционного (коэффициент Спирмена) и сравнительного анализа (U-критерий Манна-Уитни). **Результаты.** Для молодежи с признаками социально-психологической дезадаптации характерны социальный пессимизм, деструктивность и цинизм. Сравнительный анализ установил статистически значимые различия: курсанты, готовящиеся к карьере в силовых структурах,

демонстрируют более высокие показатели мистичности, цинизма, нормативного нигилизма, физической агрессии, что выступает адаптивным механизмом к будущей профессии, но одновременно повышает уязвимость к идеологиям экстремистского толка. Курсанты запаса демонстрируют высокие показатели по предметной агрессии и коллективистской ориентации («друг на друга»), что может интерпретироваться как механизм психологической защиты за счет идентификации с референтной группой, так и стать каналом вовлечения через аналогичный механизм солидарности. **Обсуждение результатов.** Выявленный симптомокомплекс (мистичность, цинизм, нигилизм) у будущих военных специалистов выполняет компенсаторную функцию, но создает когнитивную уязвимость для упрощенных идеологических схем. Полученные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода в превентивной работе с учетом не только явных маркеров неблагополучия, но и латентных адаптационных механизмов.

Ключевые слова

диспозиции экстремизма, психологическая восприимчивость, уязвимость, агрессивность, экстремистская идеология, социальные ориентации, конфликтное поведение, способы реагирования, молодые люди, курсанты

Финансирование

Исследование выполнено за счет фонда поддержки талантливой молодежи для развития СНО ЮФУ – 2025, Приказ № 1690 от 11.07.2025 г. («Междисциплинарный подход к профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде»).

Для цитирования

Шипитько, О. Ю., Жердева, А. А., Краснова, Е. А., Кузнецова, Е. О., Хазина, Е. П., Велигодская, А. А., & Ряснянский, А. С. (2025). Насильственный экстремизм: личностные характеристики и восприимчивость к радикальной идеологии молодежи. *Российский психологический журнал*, 22(4), 185–204. <https://doi.org/10.21702/rpj.2025.4.9>

Введение

Современный мир характеризуется психологической транзитивностью. Стремительное развитие различных аспектов жизнедеятельности человека предъявляет ряд социальных требований к молодым людям, находящимся в процессе

личностного и профессионального самоопределения и развития. Во многом этот процесс определяется информационным полем, в которое включен каждый человек. Субъективное восприятие информации и отношение к ней формируется индивидуально, затрагивает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты развития личности. Молодые люди, оказывающиеся в ситуации выбора, могут подвергаться деструктивному информационно-психологическому воздействию. При этом их некоторые личностные особенности и субъективность восприятия опосредуют полярность подобного воздействия. В некоторых случаях проактивные и когнитивные защиты личности позволяют использовать своеобразный «информационный фильтр», в других, напротив, служат предиктором, повышающим когнитивную и эмоциональную восприимчивость молодых людей. Между тем, угроза когнитивных войн нарастает. Во многом этому способствует широкое информационное поле, посредством которого распространяется как достоверная информация, так и ложные смыслы деструктивной идеологии.

Настоящее исследование направлено на изучение некоторых психологических особенностей молодых людей, а именно курсантов военных учебных центров, которые позволят понять уровень выраженности восприимчивости к экстремистской идеологии с целью совершенствования уже имеющихся профилактических и превентивных мер. Несмотря на достигнутые современными учеными успехи в этой области (Орлов, 2024), обеспечение психологической безопасности населения не представляется возможным без научного понимания психологических аспектов восприимчивости молодых людей к деструктивной идеологии экстремистского характера. Научное объяснение механизмов информационно-психологического воздействия с учетом личностных и поведенческих характеристик курсантов военных учебных центров позволит разработать меры, предупреждающие возникновение рисков радикализации, разработать комплексную систему профилактики, и в дальнейшем противодействия, базирующуюся на современных социально-психологических технологиях. Кроме этого, изучение психологической восприимчивости курсантов способствует решению задачи гармоничного развития молодых людей в период обучения в военных учебных центрах при университетах.

Сегодня общество характеризуется активным развитием цифровых ресурсов и социальных сетей. Молодежь составляет большую часть их аудитории, что делает различные интернет-площадки отличным каналом для пропаганды и распространения экстремистской идеологии среди огромного количества молодых людей, уязвимых к воздействию радикальных убеждений. В последнее время интернет-пространство активно применяется для распространения идей, демонстрации насилия и запугивания общества. Через социальные сети создаются новые герои, символы, способные привлечь внимание молодых людей, находящихся в активном поиске своего жизненного пути и своего места в социуме (Мельникова, 2018). Поддельные фото, посты с ложной информацией, недействительные статистические данные — все это может использоваться экстремистами с целью манипуляции и дальнейшей

вербовки. В этом случае молодые люди становятся идеальной жертвой, а распространители экстремистской идеологии рассматриваются как сознательные манипуляторы, использующие все средства для осуществления своих радикальных планов (Мещанинов, 2016). Согласно исследованиям Б. Б. Бидовой (2014) идеологию можно назвать экстремистской, если она соответствует следующим признакам:

1) исключительная истинность именно данной идеологии, создающая «комплекс абсолютной истинности» — невозможность опровержения основных постулатов идеологии;

2) агрессивная нетерпимость по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;

3) принципиальное разделение общества на две большие группы: своих и чужих, на друзей и врагов;

4) установка на немедленную практическую деятельность по исправлению мира и людей — программа срочного преобразования существующей социальной реальности;

5) преобладание деструктивных задач по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;

6) практически невыполнимый, слишком суровый и извращённый кодекс личного поведения, требующий от человека экстраординарных, чрезвычайных поступков, жертв и фанатичности (Бидова, 2014).

Причины, по которым молодые люди попадают под влияние экстремистской идеологии, многообразны: социальные условия, экономические трудности, культурные различия и политические конфликты. По мнению ряда ученых, молодые люди, находящиеся в «зоне риска», обычно достигают не того уровня социализации и адаптации в обществе, на который рассчитывают. У них недостаточно четкие жизненные ориентиры, ценности и цели; иногда они чувствуют себя изолированно от своего коллектива, им трудно дается реализация личных амбиций и желаний. Молодые люди, оказывающиеся в подобных жизненных условиях, ищут пути выхода из сложившихся ситуаций, а радикальные группы предлагают готовые решения, обещают поддержку, защиту и возможность самовыражения (Артищев, Артищева, 2015).

Процесс вербовки молодых людей включает в себя поэтапное вовлечение в экстремистскую идеологию: сперва устанавливается контакт и формируются доверительные отношения, затем проводятся пробные задания для проверки на лояльность, а впоследствии наступает этап активного участия в деятельности экстремистской группировки. Для того, чтобы привлечь молодежь, часто используют инструменты финансовой помощи, обращение к чувству долга, гордости или духовного единения, направленного на создания прочной связи с группой. Важно отметить, что молодежь является возрастной группой, наиболее уязвимой к манипуляциям со стороны людей, распространяющих экстремистские идеологии. Известно, что данный возрастной период связан с эмоциональной нестабильностью

и склонностью к риску. Для молодых людей часто бывают важны новые впечатления и острые ощущения, чувство собственной исключительности. Среди личностных качеств молодежи, наиболее подверженной деструктивному влиянию, чаще всего выделяют неуверенность в себе, чувство социальной несправедливости, неудовлетворенности жизнью (Кондратьев, 2015). Люди, пропагандирующие экстремистскую идеологию, часто используют слабости молодежи — потребности почувствовать себя важными, причастными, обеспеченными материально и принадлежащими к идеологии, которая по-настоящему их ценит — и апеллируют к ним. Так, молодые люди становятся привлекательными объектами для лидеров экстремистских движений и идеологий.

В начале 2000-х годов значительное развитие получило направление, связанное с социально-психологическим анализом экстремистских идеологий. Одним из первых в этой области стал Д.В. Ольшанский, исследующий текстовые материалы радикальных групп — листовки, манифесты, интернет-ресурсы. Используя методы контент- и дискурс-анализа, он показал, что радикальные идеологии выполняют ряд ключевых функций для личности и группы, а также компенсаторную функцию, превращают чувство беспомощности и социальной невостребованности в ощущение силы и значимости. Таким образом, экстремистская идеология — это не столько система убеждений, сколько психологический механизм снятия внутреннего напряжения и поиска места в обществе (Ольшанский, 2002).

Позднее, в 2010-х годы в центре внимания оказались цифровые технологии и социальные сети, которым была отведена ключевая роль информационного канала в распространении радикальных идей. Исследование К.Д. Хломова и А.А. Бочавера (2018) показало, что интернет формирует уникальную среду с точки зрения феномена групповой динамики и постепенной радикализации молодежи. Одним из ключевых механизмов этого процесса явились «эхо-камеры»: алгоритмы социальных сетей создают для пользователя информационный пузырь, где человек видит только подтверждающие его взгляды сообщения. Идеологические установки при этом распространялись не через сложные манифесты, а через простые картинки, короткие видеозаписи и музыку, которые быстро и легко усваиваются и вызывают сильный эмоциональный отклик. Особый интерес вызывает феномен постепенной радикализации: молодой человек может начинать вовлекаться с безобидных увлечений, например, исторической реконструкции или музыкальных субкультур, но постепенно оказывается вовлечен в более закрытые и агрессивные сообщества. Во многом подобное вовлечение обусловлено субъективным восприятием информации и рядом личностных особенностей молодежи.

В 2015 году М.Ю. Кондратьевым была предложена модель работы с «группами риска», включающими подростков и молодежь с неопределенным социальным статусом, мигрантов и выходцев из неблагополучных семей с целью профилактики вовлечения молодежи в экстремистские идеологии. Ключевым направлением в этой модели является создание альтернативных сообществ принятия — спортивных

секций, творческих студий, волонтерских движений, где молодежь может реализовать базовые потребности в принадлежности, уважении и идентичности социально одобряемыми способами (Кондратьев, 2015). Поэтому, важной задачей становится развитие критического мышления и медиаграмотности, что помогает молодым людям распознавать манипулятивные техники и информационные искажения, характерные для экстремистских сообществ.

Зарубежные исследования показывают сходные результаты и акцентируют внимание на комплексном характере психологических и социально-средовых факторов, способствующих уязвимости молодежи к экстремистской идеологии. В частности, на большой выборке было проведено исследование в 2023 году (Naghish et al., 2023) среди норвежских подростков (N=11397), с использованием методов машинного обучения, которое выявило 550 значимых психосоциальных и контекстуальных переменных. Ключевыми предикторами экстремистских установок стали поведенческие проблемы, уровень социального благополучия, безопасность семейной среды и качество отношений с родителями и сверстниками. Одним из наиболее весомых предикторов явился возраст — повышенная уязвимость наблюдается в ранний подростковый период. Сензитивность молодежи, как важный предиктор лояльности к экстремистской идеологии, подтверждают и другие работы. Так, в исследовании 2022 года (González et al., 2022) проанализированы техники психологических манипуляций, которые используются для радикализации молодежи. Среди прочих, важную роль играет эмоциональная чувствительность юношей и девушек, вера в легитимность насилия, а также манипуляции с эмпатией и идентичностью, направленные на достижение психологического подчинения. Подобные результаты мы видим и в других работах (Wallner, 2023), где указывается, что программы профилактики основываются на специфических факторах уязвимости молодежи, включая импульсивность, поиск идентичности, высокую восприимчивость к влиянию сверстников и экзистенциальную потребность в значимости.

В контексте нашего эмпирического исследования, которое проводилось на курсах военного учебного центра, интересны данные, полученные в Сербии в 2021 году (Vukčević et al., 2021). Ученые сосредоточились на контекстуальных и психологических предикторах милитаристского экстремизма. Были выделены следующие факторы, способствующие чрезмерной восприимчивости: семейная дисфункция, жесткая школьная среда, переживание одиночества, авторитаризм и ориентация на социальное доминирование. Совокупно эти переменные объяснили значительную долю дисперсии в компонентах экстремистского мышления — убежденность в оправданности насилия и доверие к божественной силе как высшему арбитру. Наконец, аналогично отечественным исследованиям по данной проблеме, в отчете «How and Why Minors and Youth are Attracted by Extremist Ideologies?» от 2022 года подчеркивается новое измерение данной проблемы в условиях цифровой эпохи: ускоренная радикализация осуществляется через

эхо-камеры (эксплуатацию одних и тех же радикальных идей) социальных сетей и потребление фрагментированных идеологий, синтезирующих конспирологические теории и экстремистские нарративы, что значительно усложняет как диагностику уязвимости, так и разработку превентивных мер.

Итак, восприимчивость (уязвимость) к экстремизму формируется на стыке индивидуально-психологических черт (эмоциональная уязвимость, поведенческие проблемы, поиск идентичности), факторов развития, качества социального окружения (семья, сверстники, школа) и всё более агрессивного цифрового контекста, который активно эксплуатируется вербовщиками с целью манипуляции указанными аспектами восприимчивости личности. Таким образом, анализ различных подходов показывает, что молодежь в силу возрастных особенностей, социально-экономических условий и психологической уязвимости представляет собой наиболее восприимчивую группу к экстремистскому воздействию в цифровом пространстве. Интернет и социальные сети становятся не только каналом коммуникации, но и инструментом целенаправленной манипуляции, где постулаты радикальных идеологий подаются в привлекательной и доступной форме. В этих условиях особенно актуальным становится выявление предикторов, повышающих или, напротив, снижающих восприимчивость молодых людей к подобному влиянию.

Дефицит ясной эмпирической связи между конкретными личностными характеристиками, помимо очевидных, таких как агрессивность или конфликтность и склонностью к насильственному экстремизму затрудняет разработку и применение специальных профилактических программ в работе с молодежью, а предпринятые меры достаточно быстро приобретают размытый характер, не позволяя на ранних стадиях выявить риски вовлечения личности в противоправную деятельность.

Вышеизложенное позволяет конкретизировать исследовательскую задачу: важно понять, какие личностные черты, психологическое состояние и поведенческие паттерны могут способствовать вовлечению молодежи в деструктивные идеологии, а какие, напротив, препятствуют этому. Это определило формулировку гипотез исследования.

Гипотеза 1.

Предполагается, что существует значимая взаимосвязь между некоторыми личностными характеристиками (мистичность и цинизм) и высоким уровнем агрессии у респондентов, что повышает риск вовлечения в деструктивные идеологии.

Гипотеза 2.

Ожидается, что курсанты обучающиеся на направлениях подготовки специальностей запаса и кадровых специальностей различаются относительно уровня выраженности психологической восприимчивости к экстремистским идеологиям и степени их подверженности деструктивным установкам и идеям.

Методы

Методики

Ключевым инструментом выступила «Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма» (Давыдов, Хломов, 2017), позволяющая выявить устойчивые предрасположенности к оправданию насилия, конфликтному восприятию социальной реальности и негативному отношению к обществу, что является основой для вовлечения в деструктивные практики.

Характеристики аффективной сферы определялись посредством «Теста агрессивности» (Л. Г. Почебут), демонстрирующего дифференциацию различных форм агрессии и враждебности. Высокие показатели по соответствующим шкалам интерпретируются как индикаторы поиска деструктивных способов эмоциональной разрядки и потенциального обращения к экстремистским идеям, что повышает подверженность деструктивному информационно-психологическому воздействию.

Поведенческий компонент анализировался с помощью опросника «Способы реагирования в ситуациях опасности» (В.Г. Маралов, 2012), выявляющего доминирующие стратегии совладания. При этом склонность к агрессивным и конфронтационным реакциям в условиях угрозы рассматривается как фактор риска экстремистской вовлеченности.

Скрининг-метод для диагностики склонности к экстремизму среди студентов (Капустина и др., 2022) был включен для быстрой интегральной оценки.

Тест «Культурно-ценностный дифференциал» (Г. У. Солдатова, 1998), направлен на выявление аксиологических установок — этноцентризма, ксенофобии, неприятия культурного многообразия, что образует ценностную основу для усвоения радикальных идей и взращивания ненависти по отношению к различным группам населения по ряду факторов.

Выборка

В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 17 до 29 лет ($M=20,12$ лет). Среди них 258 мужчин и 16 женщин. Все респонденты обучаются в военных учебных центрах при гражданских вузах: 123 человека — по программам подготовки граждан, которые по окончании обучения будут зачислены в запас; 151 человек — по программам, предполагающим последующее назначение на должности в военных организациях.

Статистическая обработка

Статистические методы исследования были подобраны в соответствии с характером полученных данных. На первом этапе был проведен дескриптивный анализ, который позволил описать выборку и проверить нормальность распределения данных

(Таблица 1). Результаты анализа показали, что распределение данных отлично от нормального, в связи с чем в исследовании использовались непараметрические методы статистики. На втором этапе для определения связей между исследуемыми феноменами использовался корреляционный анализ, посредством критерия Спирмена. На третьем этапе был проведен сравнительный анализ двух независимых групп, выделенных в соответствие с критерием осваиваемой респондентами образовательной программы. Для выявления различий использовался U-критерий Манна-Уитни.

Таблица 1

Дескриптивный анализ исследуемых переменных молодежи — курсантов военных учебных центров

Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
Возраст	17	29	20,0	19,9695	0,2399
Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма					
Интолерантность	9	30	17,0	16,9008	1,7333
Конвенциональное принуждение	8	30	19,0	18,3321	4,5359
Социальный пессимизм	6	30	12,0	12,9084	3,9720
Мистичность	6	30	14,0	13,6221	4,5230
Деструктивность и цинизм	8	30	15,5	15,6107	3,8865
Протестная активность	6	30	17,0	16,5153	3,8959
Нормативный нигилизм	8	30	16,0	16,0153	2,7695
Антиинтрацепция	9	29	19,0	18,2748	3,2295
Тест агрессивности					
Конформизм	6	30	15,0	15,1794	3,9307
Вербальная агрессия	0	7	2,0	2,3969	1,5594
Физическая агрессия	0	7	2,0	2,4389	1,7491
Предметная агрессия	0	7	1,0	1,7901	1,3123
Эмоциональная агрессия	0	7	1,0	1,4695	1,2553
Самоагрессия	0	8	2,0	2,0611	1,7693

Переменные	Минимум	Максимум	Медиана	Среднее	Стандартное отклонение
Опросник «Способы реагирования в ситуациях опасности»					
Адекватный тип	0	16	3,0	3,0878	1,9367
Тревожный тип	0	16	8,0	7,3321	2,7348
Игнорирующий тип	0	10	4,0	4,1832	2,0049
Неопределенный тип	0	0	0,0	0,0000	0,0000
«Скрининг-метод диагностики склонности к экстремизму среди студентов»					
Склонность к экстремизму	0	22	6,0	6,4809	4,0878
Тест «Культурно-ценностный дифференциал»					
Ориентация на группу	3	12	7,0	6,9962	1,6597
Ориентации на власть	3	12	7,0	7,0573	1,8217
Ориентация друг на друга	3	12	6,0	6,7595	2,2809
Ориентация на изменения	3	12	7,0	7,2748	1,8427

Результаты

По результатам дескриптивного анализа были выделены преобладающие в сформированной выборке диспозиции насильственного экстремизма. В частности, были идентифицированы следующие проявления:

1. конвенциональное принуждение, характеризующееся приоритетом ценности восстановления справедливости над другими гуманистическими ценностями, что достигается через ужесточение требований как к себе, так и к другим, а также введение цензуры (M=19);
2. антиинтрацепция, выражающаяся в неприятии субъективных проявлений интроспекции, фантазии, чувственных переживаний; акцент ставится на физической реальности, ориентация на простые идеи, непосредственные действия (M=19);
3. интолерантность, отражающая стремление к однозначности восприятия мира, неприятие отличий других людей, отрицание возможности инакомыслия и стремление навязать окружающим свои взгляды любыми методами (M=17).
4. протестная активность, иными словами неадаптивная активность, характеризующаяся стремлением к героическим действиям, к неизвестному, к приключениям и преобразованиям, готовности к риску и жертвованию собой ради идеи (M=17).

При этом общий уровень агрессии оказался низким. В ситуациях опасности наиболее выраженный тип реагирования — тревожный, характеризующийся тенденцией к преувеличению угрозы ($M=8$).

Данные скрининговой диагностики также не выявили склонности к дезадаптивному состоянию ($M=6$). Кроме того, была установлена иерархия ориентаций респондентов. В большей степени выражена ориентация на изменения ($m(\text{cp})=7,2$; $M=7$), затем демонстрируется ориентация на власть ($m(\text{cp})=7$; $M=7$), на группу ($m(\text{cp})=6,9$; $M=7$), друг на друга ($m(\text{cp})=6,7$; $M=6$).

В продолжение исследования вопроса о взаимосвязи личностных характеристик с установками, способствующими повышению риска вовлечения в деструктивные идеологии, а также для проверки гипотезы о наличии взаимосвязей между этими показателями, был проведен корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена. Результаты анализа представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Корреляционный анализ диспозиций насильственного экстремизма и личностных характеристик, объясняющих восприимчивость молодежи к экстремистской идеологии

	ИН	КП	СП	ДЦ	ПА	ОДД	СА
СЭ	0,20**	0,17**	0,32**	0,40**	0,15*	0,36**	0,40**
ВА	0,42**	0,22**	0,11	0,19**	0,22**	0,10	-
ФА	0,24**	0,33**	0,08	0,17**	0,30**	-0,06	-

Примечание: 1. СЭ — склонность к экстремизму; ВА — вербальная агрессия; ФА — физическая агрессия; ИН — интолерантность; КП — конвенциональное принуждение; СП — социальный пессимизм; ДЦ — деструктивность и цинизм; ПА — протестная активность; ОДД — ориентация друг на друга; СА — самоагрессия. 2. Корреляция значима на уровне 0,05. ** 3. Корреляция значима на уровне 0,01.

Корреляционный анализ показал, что склонность к экстремизму, понимаемая как проявление социально-психологической дезадаптации, имеет тесные связи с рядом диспозиций личности. Склонность к экстремизму (дезадаптивному состоянию) положительно связана с такими диспозициями, как социальный пессимизм ($r = 0,3$) и деструктивность и цинизм ($r = 0,4$).

Примечательно, что склонность к экстремизму имеет взаимосвязь с ориентацией на других ($r = 0,3$), что объясняется стремлением молодежи найти группу поддержки, сообщество, которое разделяет их взгляды и оправдывает радикальные действия. При этом, индивиду важно «выделиться», показать отличный от других результат, что достигается легче посредством радикальных мер и противоправных деяний нежели кропотливой работой над собой. При этом холодность и эмоциональная

отчужденность, сопровождающие такую ориентацию, обесценивают человеческие отношения, превращая социальное взаимодействие в своего рода «соревнование». Еще одна интересная связь обнаружена между склонностью к экстремизму и самоагрессией ($r = 0,4$).

Не менее показательны, что интолерантность положительно коррелирует с вербальной агрессией ($r = 0,4$). Стремление к упрощенной и жесткой картине мира нередко сопровождается агрессивной защитой собственных убеждений. Молодые люди, нетерпимые к иным мнениям, чаще прибегают к словесным оскорблениям и конфронтации. В свою очередь, постоянное пребывание в ситуации конфликта сужает восприятие и еще больше закрепляет ограниченность мировоззрения. Физическая агрессия значимо связана с такими диспозициями насильственного экстремизма, как конвенциональное принуждение ($r = 0,3$) и протестная активность ($r = 0,3$).

Таким образом, корреляционный анализ показал, что склонность к экстремизму у молодежи формируется на пересечении выраженности таких показателей, как внутренняя уязвимость, фрустрация и стремление к социальной самоидентификации. Социальный пессимизм, цинизм, агрессивность и интолерантность не только подрывают гармонию личности, но и создают базу для оправдания радикальных и деструктивных практик в сознании молодых людей.

С целью проверки, насколько выраженность данных характеристик различается у представителей разных групп респондентов, нами был проведен сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни. Полученные данные изложены в Таблице 3.

Таблица 3

Сравнительный анализ диспозиций насильственного экстремизма и выраженности личностных характеристик курсантов разных программ обучения (U-критерий Манна-Уитни)

Переменные	U	p	Средний ранг ¹
Мистичность	6879,500	0,013	117,98/141,44
Деструктивность и цинизм	6277,500	0,000	112,55/145,43
Нормативный нигилизм	5765,00	0,000	107,94/148,82
Физическая агрессия	7102,500	0,032	119,99/139,96
Предметная агрессия	6640,500	0,002	147,18/119,98
Ориентация друг на друга	6451,500	0,001	148,88/118,73

Примечание:¹ Число перед косой чертой — средний ранг значений переменных курсантов специальностей запаса, за косой линией — курсантов кадровых специальностей.

Курсанты, ориентированные на профессиональную деятельность в военных структурах, продемонстрировали статистически значимо более высокие показатели по таким диспозициям, как мистичность ($z = 6879,5$), деструктивность, цинизм ($z = 6277,5$) и нормативный нигилизм ($z = 5765,0$) по сравнению с курсантами,

обучающимся по программе запаса. Будущие военные специалисты характеризуются выраженной тенденцией к экстернальному локусу контроля, что проявляется в склонности к переносу ответственности на внешние, неподконтрольные силы. Этот психологический механизм может рассматриваться как компенсаторная стратегия совладания с экзистенциальной тревогой, высоким уровнем неопределенности, объективно присущим специалистам в служебной деятельности в военной сфере. Обращение к иррациональным объяснительным моделям (веравнепредопределенность) выполняет защитную функцию для психики, снижает эмоциональное напряжение, связанное с осознанием рисков и высокой ответственности будущей профессии. Однако этот же механизм создает когнитивную уязвимость: упрощенные и эмоционально заряженные объяснительные схемы повышают восприимчивость к идеологиям экстремистской направленности, которым присуще дихотомическое видение мира («свои» против «чужих») и абсолютизация образа противника.

Повышенные показатели деструктивности и цинизма у обучающихся по программе подготовки кадровых военных отражают генерализованное негативное отношение к людям, приписывание их действиям низменных мотивов, обесценивание межличностных отношений, снижение ценности человеческой жизни. В контексте военной специальности, сопряженной с применением насилия, такой цинизм может выполнять адаптивную функцию, снижая эмоциональную нагрузку и морально-психологические/внутриличностные конфликты. В долгосрочной перспективе это способствует дегуманизации восприятия противника, что не только облегчает выполнение боевых задач, но и создает иллюзию для оправдания чрезмерной жестокости и принятия идеологий, основанных на ненависти и исключительности одной стороны. Нормативный нигилизм в большей степени присущ курсантам, нацеленным на дальнейшую работу в военной сфере. Эта диспозиция легитимизирует противоправные действия. Моральные и юридические ограничения начинают восприниматься как условные и применимые лишь к ситуациям, не связанным с «служением идее».

Вышеупомянутые диспозиции составляют симптомокомплекс, выполняющий роль адаптационных установок к высокой стрессогенности и моральным дилеммам военной профессии, но, с другой стороны, делают уязвимыми курсантов кадровой подготовки к экстремистской идеологии. Физическая агрессия, которая также присуща больше курсантам кадровых специальностей, представляющая собой повышенную готовность к применению физической силы, является поведенческим воплощением вышеназванных диспозиций, завершая картину потенциальной вовлеченности в насильственные практики.

Курсанты, которые по окончании обучения составят мобилизационный запас, обладают более высокой выраженностью показателей в части предметной агрессии, склонностью к выражению негативных эмоций на неодушевленные предметы в ситуациях фрустрации или психоэмоционального напряжения по сравнению с курсантами, обучающимися по кадровым специальностям. Эта форма реагирования может свидетельствовать о сдерживании прямой агрессии против

людей, и считается менее деструктивной. Курсанты заведомо выбирают более приемлемые виды проявления агрессии — вероятно, это обусловлено дальнейшей профессиональной деятельностью, где не будет использоваться легитимная физическая сила, и, соответственно, отсутствует необходимость в применении физической агрессии. Этого нельзя сказать о курсантах кадровых специальностей, чья профессиональная деятельность может быть связана с ней напрямую.

Более высокие показатели ориентации «друг на друга» курсантов запаса по сравнению с курсантами кадровых специальностей могут отражать значимые различия в их ценностно-смысловой сфере. Так, курсанты запаса демонстрируют более выраженную коллективистскую ориентацию, которая может проявиться в желании взаимопомощи, кооперации и эмоциональной поддержки в рамках группы. Иногда это связано с их временным пребыванием в служебной среде и отсутствием долгосрочных перспектив в этой области, что усиливает значимость горизонтальных связей и взаимоподдержки как механизма адаптации к стрессовым условиям обучения. Курсанты кадровых специальностей менее ориентированы на коллектив. Вероятно, это обусловлено их стремлением к индивидуальным достижениям, к дальнейшему карьерному росту, а также тем, что их изначально готовят на руководящие позиции. По завершении образовательной программы они распределяются по различным регионам страны, что снижает значимость взаимодействия в их учебном коллективе. Индивидуалистская работа делает курсантов уязвимыми к воздействию различных, в том числе радикальных и экстремистских, идеологических концепций.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ данных выявил ряд значимых корреляций между психологическими особенностями молодежи и ее восприимчивостью к экстремистской идеологии. Склонность к экстремизму как дезадаптивному состоянию демонстрирует значимые связи с комплексом специфических психологических диспозиций, среди которых ключевыми показателями выступили: социальный пессимизм, деструктивность и цинизм, ориентация на других в контексте конформности и поиска одобрения, самоагрессия, интолерантность и физическая агрессия. К похожим выводам приходят в своих работах и зарубежные исследователи, которые подчеркивают, что вербовщики манипулируют восприятием. Негативные настроения по отношению к обществу формируются на основании недоверия к другой группе, в основе которого находится противопоставление, отличающие личность от других (Kruglanski et al., 2014; McCauley & Moskaleiko, 2017). Полученные результаты позволяют глубже понять психологические механизмы, лежащие в основе радикализации. В частности, социальный пессимизм, выражающийся в негативном, катастрофизированном восприятии мира и будущего, в совокупности с деструктивностью и цинизмом формируют когнитивно-эмоциональную почву

для принятия радикальных взглядов. Состояние фрустрации, наряду с потребностью в безопасности и справедливости, порождает запрос на упрощенные ответы и дихотомическое восприятие действительности, что соответствует положениям о «штампах терроризма». Выраженность социального пессимизма располагает к негативному восприятию окружающего мира, катастрофизации будущего и ожиданию опасности, а деструктивность и цинизм — диспозиция, проявляющаяся в критическом отношении к другим, подозрительности и непринятии проявления человеческих отношений (Давыдов, Хломов, 2017). Взаимозависимость этих диспозиций, а также склонность к социально-психологической дезадаптации обусловлена тем, что одним из ее критериев, выделяемых Капустиной Т.В., является депрессивность, которая свойственна индивиду при выраженном социальном пессимизме и дегуманизации окружающих, что может произойти при повышенном уровне цинизма (Кондратьев, 2015). Фрустрированное ощущение безопасности, негативные ожидания от настоящего и будущего и нетерпимость к человеческим проявлениям могут являться маркерами риска вовлечения в экстремистские идеологии, поскольку молодые люди могут склоняться к необходимости применять радикальные методы изменения окружающей среды. Тенденция рассматривать мир через призму пессимизма может вызвать чувство враждебности по отношению к ним. Нетерпимое отношение к людям уже является аспектом предрасположенности к деструктивным актам против окружающих. Так, в ситуации психологической уязвимости могут возникать идеи о легитимности и правомерности использования насилия и иных деструктивных способов для защиты себя и своих интересов. Важную роль в формировании данной предрасположенности играет ориентация на других, которая проявляется в конформности и поиске поддержки среди единомышленников. Это перекликается с данными, согласно которым экстремистские группы удовлетворяют базовые потребности в принадлежности и признании для лиц с нарушенными социальными связями (Doosje et al., 2016). Как отмечает Л.Г. Почебут, человек, лишенный внутренней гармонии и механизмов психологической защиты, оказывается уязвимым перед агрессивной внешней средой. В ситуации психологической уязвимости молодые люди могут испытывать обостренное чувство опасности, что приводит к искажению ценностно-смысловой сферы, и способствует развитию склонности к принятию радикальных и деструктивных решений в качестве механизма защиты психологической целостности.

Ключевыми маркерами внутреннего неблагополучия, тесно связанными с экстремистскими установками, выступили самоагрессия и интолерантность. Их связь с вербальной и физической агрессией подчеркивает роль внутренних конфликтов и когнитивной ригидности в процессе радикализации (Маралов и др., 2012; Мельникова, 2018). Работа Е.В. Соколовой и А.А. Григорьевой (2010) позволила выявить важные личностные различия между молодежью, замеченной в экстремистских проявлениях, и их сверстниками. Исследование было проведено на выборке 120 человек в возрасте 17–25 лет. Первая группа участников — молодежь,

состоящая на учете в правоохранительных органах за экстремистские действия или высказывания, вторая группа — контрольная. Результаты показали, что у радикализованной группы молодых людей преобладает более высокий уровень агрессивности — как физической, так и вербальной. Кроме того, характерно негативное самоотношение, выражающееся в комплексе «ущемленного самолюбия»: низкая самооценка, внутренний конфликт, склонность к самообвинению. Мотивы вовлечения носили преимущественно неидеологический характер. Участники чаще всего говорили о потребности в принадлежности (27%), протесте против социальной несправедливости (23%) и поиске острых ощущений (19%). Идеология выступала не первопричиной, а скорее оправданием и инструментом сплочения (Соколова, Григорьева, 2010). Однако в основе конвенционального принуждения лежит стремление «восстановить справедливость» любой ценой, даже в ущерб гуманистическим ценностям (Давыдов & Хломов, 2017). Обычно, это происходит за счет введения жестких требований по отношению к себе и окружающим. Эта логика уместно согласуется с известной схемой «фрустрация—агрессия». Протестная активность, напротив, отражает потребность в новизне, поиске острых ощущений и «запретного опыта». В этом случае агрессия и насилие становятся формой поиска, своеобразным способом испытать себя и окружающий мир. Это согласуется с данными лонгитюдных исследований, где агрессия и буллинг являются одними из наиболее устойчивых предикторов антисоциального поведения (Vergani et al., 2018; Victoroff, 2005). Более того, данные исследований показывают, что молодые люди как основные пользователи социальных сетей, демонстрирующие активные конструктивную и деструктивную формы информационного поведения, имеют достоверно более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности и демонстрируют более выраженную полнезависимость (Коленова и др., 2022). Важно отметить, что в проведенном исследовании такие классические факторы риска, как симптомы депрессии и тревоги, не показали столь же значимой предсказательной силы в отношении экстремистских установок, как комплекс выявленных диспозиций (Vergani et al., 2018). Следовательно, для понимания феномена экстремизма необходим более детальный анализ специфических личностных черт и когнитивных стилей переработки информации, выходящий за рамки общих диагностических категорий.

Восприимчивость к экстремизму является следствием сложного взаимодействия дезадаптивных личностных черт, аффективных состояний и когнитивных искажений. Данное заключение поддерживается и в зарубежных исследованиях о характерологических чертах террористов, поскольку выявленные диспозиции являются прямым отражением психологического напряжения, которое может найти выход в радикальных формах копинговых стратегий. Это подтверждает, что высшие учебные заведения, концентрирующие разнородную по культурным, этническим и религиозным признакам молодежь, сталкиваются с двойственным эффектом. С одной стороны, это обогащает образовательное пространство, с другой — создает

потенциальную почву для конфликтов, в этом процессе фундаментальное значение имеет выстраивание партнерских отношений внутри университетского сообщества. Именно в процессе такого взаимодействия формируется зрелая личность, способная к самореализации и критическому осмыслению действительности, что является основой устойчивости к деструктивным идеологиям (Кагермазова и др., 2021).

Ограничение данного исследования заключается в том, что акцент сделан на корреляционных связях, и причинно-следственные отношения предполагаются исключительно между рассматриваемыми переменными. Кроме того, результаты основаны на выборке, в которой численно преобладают мужчины, что может ограничивать практическую значимость выводов для девушек, которые также могут получать военно-учетную специальность в университетах.

Перспективы исследования в первую очередь включают в себя изучение причинно-следственных связей между психологическими диспозициями и склонностью к экстремизму, это необходимо для более детального понимания механизмов формирования экстремистских взглядов и постоянной актуализации знаний о них. Не менее важным направлением будущей исследовательской деятельности является анализ роли социальных и культурных факторов, влияющих на радикализацию молодежи, поскольку именно они порой выступают малоизученными катализаторами изменения мировоззрения человека. В дальнейшем предполагается составление паттернов личностных особенностей молодых людей, которые с наибольшей вероятностью приводят к радикализации взглядов индивида, что обеспечивает возможность ранней диагностики и своевременного превентивного вмешательства.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют комплексный характер восприимчивости молодежи к экстремистской идеологии. Важную роль играют не только агрессивные и интолерантные установки, но и такие личностные особенности, как пессимизм, мистичность и цинизм. Профилактические программы должны учитывать эти психологические особенности и быть направлены на развитие критического мышления, эмоциональной устойчивости и толерантности среди молодежи. Это позволит снизить риски радикализации и способствовать формированию более гармоничного общества.

Литература

- Артищев, А. А., & Артищева, Л. В. (2015). Образ террориста в сознании молодежи. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, (45), 10-15.
- Бидова, Б. Б. (2014). Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности на региональном уровне. *Молодой ученый*, (19), 410-412.
- Давыдов, Д. Г., & Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14(1), 78-97.

- Кагермазова, Л. Ц., Абакумова, И. В., & Масаева, З. В. (2021). Актуальность формирования антитеррористической и антиэкстремистской направленности сознания в образовательной среде вуза. *Психологические проблемы смысла жизни и акме*, 1.
- Кадыров, Р. В., Капустина, Т. В., Садон, Е. В., & Эльзессер, А. С. (2025). *Психологическая диагностика в образовании. Профилактика склонности к экстремизму: учебник для вузов*. Москва: Юрайт.
- Капустина, Т. В. (2022). Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму. *Психолог*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-aprobatsiya-skrining-metoda-dlya-diagnostiki-sklonnosti-k-ekstremizmu> (дата обращения: 17.08.2025).
- Каратуева, Е. Н. (2024). Дифференциация категорий «радикализм», «экстремизм», «терроризм» в политическом дискурсе. *Социально-гуманитарные знания*, 8.
- Коленова, А. С., Ермаков, П. Н., Денисова, Е. Г., & Куприянов, И. В. (2022). Психологические предикторы конструктивных и деструктивных форм информационного поведения молодежи. *Российский психологический журнал*, 19(2), 21–34. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.2>
- Кондратьев, М. Ю. (2015). *Социальная психология закрытых групп. От терроризма до школьного буллинга*. Москва: Юрайт.
- Маралов, В. Г., Малышева, Е. Ю., Смирнова, О. В., Перченко, Е. Л., & Табунов, И. А. (2012). Разработка тест-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте. *Альманах современной науки и образования*, (12), 87-90.
- Маралов, В. Г., Ситаров, В. А., Романюк, Л. В., Корягина, И. И., Фортунатов, А. А., & Агеева, Л. С. (2019). *Практикум по формированию позиции ненасилия у студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения*. Москва: МосГУ.
- Мельникова, А. А. (2018). Терроризм в эпоху глобализации: опасности медиакоммуникаций. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, (5), 120-145.
- Мещанинов, В. А. (2016). Социально-психологический портрет современного террориста. *Национальная безопасность*, (5), 62-70.
- Ольшанский, Д. В. (2002). *Психология терроризма*. Питер.
- Орлов, В. В. (2024). Экстремизм в XXI веке: психология и биохимия. *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*, (24), 90-91.
- Почебут, Л. Г., & Чикер, В. А. (2025). *Организационная социальная психология: учебник для вузов (2-е изд., испр. и доп.)*. Юрайт.
- Соколова, Е. В., & Григорьева, А. А. (2010). Личностные особенности и мотивационная сфера несовершеннолетних с экстремистскими установками. *Психологическая наука и образование*, (3), 72-81.
- Солдатова, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Смысл.
- Хломов, К. Д., & Бочавер, А. А. (2018). Онлайн-радикализация молодежи: социально-психологические механизмы. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(4), 75-95. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260405>
- Agnew, R. (2010). A general strain theory of terrorism. *Theoretical Criminology*, 14(2), 131-153.
- Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 7–36.
- European Union. (2022). *Conclusion paper: How and why minors and youth are attracted by extremist ideologies?*
- Doosje, B., et al. (2016). Terrorism, radicalization and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 11, 79-84.
- González, I., Moyano, M., Lobato, R. M., & Trujillo, H. M. (2022). Evidence of psychological

- manipulation in the process of violent radicalization: An investigation of the 17-A cell. *Frontiers in Psychiatry*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.789051>
- Haghighi, E. F., Obaidi, M., Strømme, T., Bjørge, T., & Grønnerød, C. (2023). Mental health, well-being, and adolescent extremism: A machine learning study on risk and protective factors. *Research on Child and Adolescent Psychopathology*, 51(11), 1699–1714. <https://doi.org/10.1007/s10802-023-01105-5/>
- Kruglanski, A. W., et al. (2014). The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 35(S1), 69–93.
- McCaughey, C., & Moskalenko, S. (2017). *Friction: How radicalization happens to them and us* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Pauwels, L., & Schils, N. (2016). Differential online exposure to extremist content and political violence: Testing the relative strength of social learning and competing perspectives. *Terrorism and Political Violence*, 28(1), 1–29.
- Wallner, C. (2023). *The contested relationship between youth and violent extremism: Assessing the evidence base in relation to P/CVE interventions*. Berghof Foundation.
- Vergani, M., et al. (2018). The three Ps of radicalization: Push, pull, and personal. A systematic scoping review of the scientific evidence about radicalization into violent extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 43(10), 1–24.
- Victoroff, J. (2005). The mind of the terrorist: A review and critique of psychological approaches. *Journal of Conflict Resolution*, 49(1), 3–42.
- Vukčević Marković, M., Nicović, A., & Živanović, M. (2021). Contextual and psychological predictors of militant extremist mindset in youth. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.622571>

Поступила в редакцию: 25.09.2025

Поступила после рецензирования: 10.10.2025

Принята к публикации: 01.11.2025

Заявленный вклад авторов

Олеся Юрьевна Шипитько – обсуждение замысла исследования, обоснование актуальности исследования, организация проведения исследования, подготовка и редактирование текста статьи.

Александра Анатольевна Жердева – подбор и описание методического инструментария, сбор эмпирических данных.

Елена Александровна Краснова – теоретический обзор отечественной литературы по теме исследования.

Екатерина Олеговна Кузнецова – обработка данных и их статистическая подготовка к анализу и интерпретации.

Екатерина Петровна Хазина – обзор зарубежной литературы, обсуждение результатов, техническое оформление текста.

Александра Александровна Велигодская – графическое оформление таблиц и интерпретация данных.

Андрей Сергеевич Ряснянский – теоретический обзор отечественной литературы по теме исследования.

Информация об авторах

Олеся Юрьевна Шипитько – кандидат психологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 2882-4355, Scopus ID: 5720064487, Web of Science Researcher ID: Y-2287-2018, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0786-4146>, РИНЦ Author ID: 714845; e-mail: oshipitko@sfedu.ru

Александра Анатольевна Жердева – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 9181–3149, Scopus ID: 58565470500, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2983-0476>, РИНЦ Author ID: 1233475; e-mail: azherdeva@sfedu.ru

Елена Александровна Краснова – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: ekras@sfedu.ru

Екатерина Олеговна Кузнецова – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; SPIN-код РИНЦ: 9420–4570, РИНЦ Author ID: 1304820; E-mail: ekuzne@sfedu.ru

Екатерина Петровна Хазина – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: eal-khaddad@sfedu.ru

Александра Александровна Велигодская – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: veligodskaia@sfedu.ru

Андрей Сергеевич Ряснянский – студент кафедры психологии управления и юридической психологии; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: riasnianskii@sfedu.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.